

Оленеводство на земле развивается на огромной территории Крайнего Севера: от Скандинавии до Берингова пролива. На одного оленя требуется в год 100 га пастбищ. Развитие оленеводства остается главным условием сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера и поддерживает остальные промыслы северных народов, с оленем связана философия жизни этих людей, их миропонимание.

В переводе с ненецкого языка «олень» значит «дающий жизнь». Русские (кроме отдельных, крайне немногочисленных групп) оленеводством непосредственно не занимаются, но они часто работают в оленеводческих предприятиях на административных должностях или в качестве специалистов.

Федеральное государственное управление оленеводством в России наиболее эффективным было только в 1961—1991 годах. Оно базировалось на принципах государственного протекционизма и осуществлялось через Главное управление Севера в составе Министерства сельского хозяйства РСФСР. В структуре управления были отделы, занимающиеся планово-экономической и учетно-бухгалтерской работой, материальным обеспечением и капитальным строительством, обеспечением зоо-ветеринарных мероприятий, технологией переработки продукции, подготовкой кадров.

К сожалению, специализированные управленческие структуры с высококвалифицированными специалистами были ликвидированы в 1991 году с началом перехода экономики на рыночные отношения. В настоящее время в Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации вопросами оленеводства занимается только Департамент взаимодействия с регионами.

Как же сегодня обстоят дела с развитием оленеводства на Камчатке?

В прошлом выпуске газеты «В» (№ 38) вышла статья «Каждому оленю по товарищу Абрамовичу?», где по телефону на вопросы журналиста об оленеводстве отвечал (Если, конечно, можно так сказать. – Авт.) министр сельского хозяйства Камчатского края Александр Кучеренко. В надежде получить полные разъяснения по всем возникшим вопросам, мы направили в пресс-службу краевой администрации письменный запрос. Но ни на вопрос, как осуществляется перегон оленей, в какие районы, что происходит с животными после перегона, и чего все-таки не хватает в Камчатской программе развития оленеводства, министр отвечать не захотел.

Однако, тема оленеводства не оставила равнодушными наших читателей. Гораздо с большей охотой на вопросы журналистов ответил опытный вездеходчик, приехавший к нам с севера Камчатки.

Олег Николаевич Паршин 30 лет проживает в Олюторском районе, в селе Тиличики, и не понаслышке знает обо всех проблемах, касающихся оленеводства.

В 2010 году Олег Паршин лично осуществлял перегон тех самых 1000 оленей, про которых мы спрашивали у нашего министра. Местный начальник в селе Хаилино обещал, что сделает Олега Николаевича руководителем участка, а пока в качестве помощника он должен был перегнать 1000 голов оленей с Чукотки в село Хаилино.

В середине ноября команда из 12 человек, которую и возглавлял опытный снегоходчик, отправилась за животными. Как осуществлялся перегон, мы представляли по-другому. А вот как он проходил на самом деле: 2 вездехода, 10 банок тушенки на 12 человек, мука, рис и сахар и 2 недели пути до Чукотки. Продукты быстро закончились, и спасло лишь то, что у Олега Николаевича был свой карабин, и можно было хоть как-то добывать мясо в суровой тундре. То есть людей отправили в такой далекий путь и даже не снарядили должным образом. Добравшись до чукотских оленей, команда 5 дней «отбивала» от общего стада 1000 голов оленей в отдельные «карманки». После чего начался непосредственно сам перегон, который занял около трех месяцев. Стадо прибыло в Хаилино в целости и сохранности. Еще некоторое время после прибытия, оленей контролировала команда Паршина, и потерь практически не было. Не зря было приложено столько усилий по перегону и дальнейшему уходу за животными, ведь отел в том году составил 86,7 процентов!

А где олени?

Напоминаем, что в прошлой статье на вопрос «Куда же все-таки пропадают олени?» министр ответил, что бедных животных неустанно поедают волки. Но как на самом деле обстоят дела на севере края?

Как рассказал нашей газете Олег Николаевич, проблемы с развитием оленеводства на Камчатке действительно есть. В первую очередь – отсутствие заинтересованных людей не дает полноценно развивать оленеводство в крае. Не хватает грамотных управленцев, которые смогли бы правильно поставить развитие оленеводства, составить программу, закупить необходимую технику и рачительно расходовать бюджетные деньги. По словам Паршина, оленям мешают «местные мафиози». Вся техника используется для личных нужд, показатели поголовья оленей нарочно преувеличиваются, чтобы получать субсидии от государства, идет экономия на технике, спецодежде, зарплатах и еще много чего делается не так. Ведь ни для кого не секрет, что оленеводам выгодно не показывать истинные потери, нанесенные волками и браконьерами, которые на сегодняшний день весьма существенные, так как субсидии из краевого бюджета хозяйства получают в прямой зависимости от количества оленей. Чем больше «мертвых» рогатых душ «бродит» по тундре, тем больше денежек переводится на счета хозяйств. Но даже если оленевод захочет защитить стадо, то он физически не сможет этого сделать, так как далеко не у всех есть оружие. На стадо оленей приходится примерно 5 человек, которые ничего не смогут сделать ни с волками, ни с медведями, ни с браконьерами. А браконьеры тут как тут: 5 мужиков подъезжают к стаду оленей на 5 новых снегоходах, отстреливают 50 штук, быстро разделяют тушки и увозят, а оленеводам остается лишь просить помощи у местных правоохранительных органов, но и там открещиваются, мол «далеко пасетесь». А на кровавые следы слетаются птицы, приходят из леса волки, медведи и кидаются на оставшихся оленей из стада.

С каждой новой программой по развитию оленеводства денег государство тратит все больше, а осязаемого прироста оленьего стада нет.

Так чего же нам все-таки не хватает для эффективного развития оленеводства? Денег, грамотных и честных управленцев? Либо того и другого?

Катерина АРТЕМЬЕВА.